

Рассказы о войне

Помните!
Через века, через года,—
помните!
О тех,
кто уже не придёт никогда,—
помните!

Р. Рождественский

Твои защитники

Сядь, мой дружок, раскрой эту книжку, послушай, про что говорится тут. Эта книжка о Советской Армии, о твоих славных защитниках. Много у нашей Родины друзей в разных странах. Но есть у неё и злые враги — те, что привыкли чужим трудом наживаться, чужое добро грабить. Ненавидят они нашу мирную, трудовую страну. Но крепко охраняет Родину Советская Армия.

Хорошо спалось тебе ночью, а пограничники всю ночь стояли на страже, чтобы никто тайком не прополз на нашу землю. И дежурили на своих постах те, кто охраняет наше небо.

А утром, когда ещё птицы спали, поднялись в небо самолёты. Бывалые командиры стали учить полёту молодых лётчиков. Наши корабли подняли на рассвете флаги и пошли по морям, по волнам. Старые капитаны принялись учить молодых матросов морской службе. Ты ещё спишь утром, а танкисты уже заводят моторы своих боевых машин. И уже вышли в поле на учение солдаты-пехотинцы.

И у лётчиков, и у моряков, и у пехотинцев — у всех на шапках красные звёзды.

А в 1941 году напал на нас злой и сильный враг — фашисты из Германии. Никогда ещё не было врагов страшнее их. Четыре долгих года шла Великая война. Вдребезги разбила наша армия хваленые фашистские войска. Прочь с нашей земли выгнала их и помогла соседним странам избавиться от захватчиков-фашистов.

Но не сразу — в тяжёлых, опасных боях досталась нам победа. Одни дрались с врагом на земле, другие били фашистов в воздухе. На морях и реках, среди скал и гор, в лесах и степях побеждали врага наши войска.

Это твои защитники. И сегодня стоят они на страже мирной жизни, чтобы тебе и другим ребятам можно было жить и никого не бояться, спокойно спать и читать разные книжки.

Прочитав эту книжку, ты узнаешь, какое важное и славное дело — защита Родины. Только не лёгкое это дело. Надо сильным быть, чтобы не устать. Смелым — чтобы не испугаться. И умелым нужно стать — чтобы знать хорошо, как с оружием обращаться. Расти, дружок, и ты таким! (Л. Кассиль)

Почему война называется Великой Отечественной?

Великая Отечественная война - самая крупная война в истории человечества. Слово «великий» означает, очень большой, громадный, огромный. В самом деле, война захватила огромную часть территории нашей страны, в ней участвовали десятки миллионов людей, она длилась долгих четыре года, а победа в ней потребовала от нашего народа громадного напряжения всех физических и духовных сил.

Отечественной войной она называется потому, что эта война — справедливая, направленная на защиту своего Отечества. На борьбу с врагом поднялась вся наша огромная страна! Мужчины и женщины, пожилые люди, даже дети ковали победу в тылу и на передовой.

Почему армия родная?

Девочка Лена научилась читать. Особенно хорошо она читала слова, написанные крупными буквами.

Однажды зимой на стене дома повесили плакат. С плаката на девочку смотрел молодой солдат в каске. Лена стала читать буквы на плакате и прочла: «Да здравствует родная Советская Армия!»

«Армия называется Советской потому, что она в нашей Советской стране, — думала Лена.

- А почему родная? Ведь она не мама, не папа, не бабушка...»

Шёл из школы домой мальчик Коля. Он был сосед Лены, и Лена его спросила:

- Коля! Скажи, пожалуйста, тебе Советская Армия родная?

- Мне? Конечно, родная, - ответил Коля.

- Мой брат уже полгода служит в армии артиллеристом. Брат мне родной. Значит, и армия родная.

Ушёл Коля домой. А Лена осталась на улице. Она слепила маленькую, ростом с куклу, снежную бабу. Но ей всё равно было грустно. У Лены не было брата, который мог бы пойти в армию и стрелять там из пушек.

Вышла из подъезда соседка тётя Маша — с ковром под мышкой, с веником в руке.

Лена и её спросила:

- Тётя Маша! Скажите, пожалуйста, ваши родные служат в армии?

- Нет, - ответила тётя Маша.

- Не служат. Все дома. Кто на заводе работает, кто в учреждениях.

- Значит, вам армия не родная?

- Как же это не родная! - удивилась тётя Маша.

- Я жила в деревне, и началась война. Деревню заняли фашисты. А потом был сильный бой и пришли наши. Мы бежали к ним навстречу, плакали от радости и только говорили: «Родные! Наконец-то пришли, спасли нас от смерти».

- Армия всем родная, - закончила тётя Маша.

- И меня, старую, и тебя, такую маленькую, она никому в обиду не даст. Повеселела девочка. Побежала с улицы домой.

Когда пришёл с работы папа, она рассказала ему, как гуляла, как сама прочла надпись на плакате и что сказали ей Коля и тётя Маша.

- Всё же Коле армия роднее! - пожаловалась Лена.

- Ну это как сказать! — ответил папа. — Принеси-ка мне коробку с документами.

Папа достал из коробки красную книжечку. «Военный билет» - было написано на обложке. На первой странице Лена увидела папину фотографию. Рядом были отчётливые буквы. Лена стала читать их. И получилось: «Сорокин Иван Васильевич. Танкист. Сержант запаса».

- Вот это да! - удивилась Лена.

- Мой папа - танкист! А что значит «запаса»?

- Это значит, - сказал папа дочке, - что я, хотя и работаю на заводе, всё равно числюсь в армии.

- А другие папы?

- Другие папы тоже. Кто, как я, танкист, кто летчик, кто разведчик, кто моряк запаса.

На другой день Лена снова гуляла на улице. Было холодно. Дул ветер, падал снег. А она не уходила домой. Ждала, когда из школы придёт Коля. Хотела сказать ему про своего папу-танкиста. (А. Митяев)

Брестская крепость

Брестская крепость стоит на границе. Атаковали ее фашисты в первый же день войны.

Не смогли фашисты взять Брестскую крепость штурмом. Обошли ее слева, справа. Осталась она у врагов в тылу.

Наступают фашисты. Бои идут под Минском, под Ригой, под Львовом, под Луцком. А там, в тылу у фашистов, не сдается, сражается Брестская крепость. Трудно героям. Плохо с боеприпасами, плохо с едой, особенно плохо с водой у защитников крепости.

Кругом вода - река Буг, река Муховец, рукава, протоки. Кругом вода, но в крепости нет воды. Под обстрелом вода. Глоток воды здесь дороже жизни.

– Воды!

– Воды!

– Воды! – несется над крепостью.

Нашелся смельчак, помчался к реке. Помчался и сразу рухнул. Сразили враги солдата. Прошло время, еще один отважный вперед рванул. И он погиб. Третий сменил второго. Не стало в живых и третьего.

От этого места недалеко лежал пулеметчик. Строчил, строчил пулемет, и вдруг оборвалась очередь. Перегрелся в бою пулемет. И пулемету нужна вода.

Посмотрел пулеметчик – испарилась от жаркого боя вода, опустел пулеметный кожух. Глянул туда, где Буг, где протоки. Посмотрел налево, направо.

– Эх, была не была.

Пополз он к воде. Полз по-пластунски, змейкой к земле прижимался. Все ближе к воде он, ближе. Вот рядом совсем у берега. Схватил пулеметчик каску. Зачерпнул, словно ведром, воду. Снова змейкой назад ползет. Все ближе к своим, ближе. Вот рядом совсем. Подхватили его друзья.

– Водицу принес! Герой!

Смотрят солдаты на каску, на воду. От жажды в глазах мутится. Не знают они, что воду для пулемета принес пулеметчик. Ждут, а вдруг угостит их сейчас солдат – по глотку хотя бы.

Посмотрел на бойцов пулеметчик, на иссохшие губы, на жар в глазах.

– Подходи, – произнес пулеметчик.

Шагнули бойцы вперед, да вдруг...

– Братцы, ее бы не нам, а раненым, – раздался чей то голос.

Остановились бойцы.

– Конечно, раненым!

– Верно, тащи в подвал!

Отрядили солдаты бойца в подвал. Принес он воду в подвал, где лежали раненые.

– Братцы, – сказал, – водица...

Повернулись на голос головы. Побежала по лицам радость. Взял боец кружку, осторожно налил на доньшко, смотрит, кому бы дать. Видит, солдат в бинтах весь, в крови солдат.

– Получай, – протянул он солдату кружку.

Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг:

– Нет, не мне, – произнес солдат. – Не мне. Детям тащи, родимый.

– Детям! Детям! – слышались голоса.

Понес боец воду детям. А надо сказать, что в Брестской крепости вместе со взрослыми бойцами находились и женщины и дети – жены и дети военнослужащих.

Спустился солдат в подвал, где были дети.

– А ну, подходи, – обратился боец к ребятам. – Подходи, становись, – и, словно фокусник, из-за спины вынимает каску.

Смотрят ребята – в каске вода.

– Вода!

Бросились дети к воде, к солдату.

Взял боец кружку, осторожно налил на доньшко. Смотрит, кому бы дать. Видит, рядом малыш с горошину.

– На, – протянул малышу.

Посмотрел малыш на бойца, на воду.

– Папке, – сказал малыш. – Он там, он стреляет.

– Да пей же, пей, – улыбнулся боец.

– Нет, – покачал головой мальчонка. – Папке. – Так и не выпил глотка воды.

И другие за ним отказались.

Вернулся боец к своим. Рассказал про детей, про раненых. Отдал он каску с водой пулеметчику.

Посмотрел пулеметчик на воду, затем на солдат, на бойцов, на друзей. Взял он каску, залил в металлический кожух воду. Ожил, заработал, застрочил пулемет.

Прикрыл пулеметчик бойцов огнем. Снова нашлись смельчаки. К Бугу, смерти навстречу, поползли. Вернулись с водой герои. Напоили детей и раненых.

Отважно сражались защитники Брестской крепости. Но становилось их все меньше и меньше. Бомбили их с неба. Из пушек стреляли прямой наводкой. Из огнеметов.

Ждут фашисты – вот вот, и запросят пощады люди. Вот вот, и появится белый флаг.

Ждали, ждали – не виден флаг. Пощады никто не просит. Тридцать два дня не умолкали бои за крепость «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» – написал на стене штыком один из последних ее защитников.

Это были слова прощанья. Но это была и клятва. Сдержали солдаты клятву. Не сдались они врагу.

Поклонилась за это страна героям. И ты на минуту замри, читатель. И ты низко поклонись героям. (С. Алексеев)

Хатынь

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчому краю идет солдат. Все ближе и ближе к родному дому. Деревня его – Хатынь. Шагает солдат к друзьям боевым по роте:

– Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат, лесное чудо!

И начинает солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь, солнцу дал волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Колодцы скользнули в землю. И напротив живет Желобкович. И слева живет Желобкович. И справа живет Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди.

Шел воин к своей Хатыни. Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил. Старуху мать, трехлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат, Маришке несет подарок – ленту в ее косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет старуху мать. Скажет солдат:

– Пришел.

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует солдат жену. Скажет солдат:

– Пришел!

На руки возьмет Маришку. Подбросит солдат Маришку. Скажет и ей:

– Пришел!

Вынет солдат гостинец:

– На, получай, Маришка!

Шел воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яцкевичей, Рудаков, Мироновичей. Улыбнется солдат Хатыни. Скажет солдат:

– Пришел.

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест. Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут, мол, овражек, за оврагом лесочек. Прошел лесочек, и вот Хатынь. Выслушал ротный.

– Ну что же, – сказал, – ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот, вот и избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас он жену обнимет. Маришке вручит подарок. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошел он лесочек. Вышел к поляне. Вышел – и замер. Смотрит, не верит – нет на месте своем Хатыни. На пепелище обгоревшие трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

– Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи – все. Явились сюда фашисты. В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае. Подбежал солдат к отчему дому. Рухнул на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал из рук гостиниц. Затрепетала, забила от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землей.

Хатынь не одна. На белорусской земле много таких Хатыней было. (С. Алексеев)

Первая колонна

В 1941 году фашисты блокировали Ленинград. Отрезали город от всей страны. Попасть в Ленинград можно было лишь по воде, по Ладожскому озеру.

В ноябре наступили морозы. Замёрзла, остановилась водяная дорога. Остановилась дорога — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород нужна Ленинграду дорога.

- Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер - сиверик, - появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А

это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

- Растёт.

- Нарастает.

- Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

- Быстрее, быстрее, - кричат Ладоге. - Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи (это те, кто изучает воду и лёд), прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи - выдержал лёд.

Прошли строители - выдержал лёд.

Майор Можаяев, командир дорожного полка, верхом на коне проехал - выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта - на легкой машине по льду проехал. Потресал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

- Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

- Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжёлые грузы.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога - смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её назвали. (С. Алексеев)

Таня Савичева

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.».

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. в 3 ч. дня 1942 г.». Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.». Лека - это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год». Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка: «Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942». Вот страница с буквой «М». Читаем: «Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942». Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет: «Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «У». Уточняет: «Умерли все».

Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала: «Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда. Но не долго прожила Таня. От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и Тани Савичевой. Скончалась Таня. Дневник остался. «Смерть фашистам!» - кричит дневник. (С. Алексеев)

Шуба

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят - сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг... Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит:

- Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

- Да как же вы... Да, право, мы...

- Бери, бери! - прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята - шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке - кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий- далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх, бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

- Эх, была, не была! - махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало. (С. Алексеев)

Соловушка

Небольшой отряд гитлеровских войск... вступил в деревню. По правде говоря, это было только место, где раньше стояла деревня, так как по обеим сторонам улицы тянулись одни обгорелые развалины... В конце деревни, там,

где дорога сворачивала к темнеющему неподалёку лесу... офицер остановил отряд... Во время этой маленькой передышки... раздалось пение птицы. Переливчато звеня в воздухе, песня эта пробудила тишину летнего дня. Трели птицы на короткое время умолкали, потом звенели ещё сильнее и отчётливее. Не только солдаты, но и сам лейтенант на мгновение прислушались, а потом принялись обыскивать кусты. Раздвинув ветки придорожного березняка, они увидели на краю канавы мальчика. Еле приметный в траве, в защитного цвета куртке, без шапки, опустив босые ноги в канаву, он старательно строгал какую-то деревяшку, уперев её в грудь.

- Эй, ты! - крикнул лейтенант и жестом подозвал мальчугана. Прекратив работу и поспешно сунув нож в карман куртки, отряхнув с себя стружки, тринадцатилетний паренёк подошёл к лейтенанту.

- Покажи-ка, - сказал лейтенант. Мальчик вынул изо рта какую-то деревянную штучку, стёр с неё слюну и протянул лейтенанту, глядя на него голубыми весёлыми глазами. Это была простая берёзовая дудочка.

- Искусный мальчуган, искусный, - покачал головой лейтенант, и на мгновение его злое, неприятное лицо смягчила улыбка...

- Кто тебя научил этому? - снова спросил лейтенант.

- Я сам... а ещё я умею кукушкой... Мальчик закуковал. Затем он снова сунул себе в рот мокрую дудочку, прижав её языком, и засвистел.

- Скажи, свистун, ты один здесь? - продолжал допрос лейтенант.

- Нет, нас здесь много: только больше всего воробьев, ворон, куропаток. Соловей только я один и есть.

- Мерзавец, - прервал его офицер, - я тебя спрашиваю: нет ли здесь больше народу?

- Нет, - ответил мальчик. - Когда ваши стали стрелять и деревня загорелась, все закричали: «Звери, звери идут!» - взяли да и удрали кто куда...

- А почему ты не убежал?

- Я хотел посмотреть на зверей...

- Как видно, дурачок!— произнёс лейтенант, обращаясь к солдатам на своём языке. - Скажи-ка, малый, знаешь ты эту дорогу через лес на Сурмонтай? Ведь так, кажется, она зовётся...

- Как же мне не знать...- уверенно ответил мальчик, - и мы туда к мельнице рыбачить ходили... Там такие щуки водятся, что двухмесячных гусенят живьём глотают.

- Ну, ладно, веди. Если скоро сведёшь, получишь вот это, - лейтенант показал мальчику зажигалку. - А обманешь, голову сверну вместе с этой самой твоей свистулькой. Понял?

Отряд двинулся. Впереди походной кухни, рядом с лейтенантом, ни на минуту не переставая играть на своей дудочке, подражая то соловью, то кукушке, шагал и мальчик... Лес становился гуще, дорога извивалась между просеками, заросшими берёзами, и снова сворачивала в сосновый тёмный лес.

- А что говорят здесь в народе о партизанах? Водятся они в вашем лесу? - поинтересовался лейтенант.

- Нету таких. Сыроежки есть... подберёзовики и опёнки, - не сморгнув, ответил мальчик. Сообразив, что с эдаким не стоит пускаться в дальнейшие разговоры, немец, наконец, замолчал.

В самой глубине леса, в молодом и густом ельнике, откуда был виден изгиб дороги, лежало несколько человек... Изредка они тихо перебрасывались словечком - другим и, осторожно отводя ветви деревьев, внимательно оглядывали лес.

- Слышите? - сказал один из них, посмотрел на товарищей, немного приподнялся и повернул голову в ту сторону, откуда сквозь неясный шум леса доносилась дальняя трель соловья.

- А не почудилось тебе? - спросил другой, прислушался и ничего не услышал, но всё-таки вынул из-под пня четыре гранаты и положил их перед собой. Пение птицы становилось всё явственнее. Тот, который первым услышал его, стал внимательно отсчитывать:

- Раз, два, три, четыре...- и рукой отбивал счёт. - Отряд из тридцати двух человек...- произнёс он... Неожиданно раздалось кукование кукушки. - Два пулемёта... - определил он по доносившимся звукам.

- Начнём, - сказал, берясь за ружьё, бородатый мужчина, весь опоясанный пулемётными лентами. - Поторопись, - кладя гранаты, ответил тот, кто прислушивался к трелям птицы. - Там нас ждут. Мы... пропустим их, а когда вы начнёте, мы станем жарить по ним с тыла. Не забудь Соловушку, если что случится. Он со вчерашнего дня, бедняга, ничего не ел...

Через некоторое время около молодого ельничка показался отряд немцев. Соловушка заливался всё с прежним жаром, но для тех, кто понимал язык его трелей, это было только повторением того, что было уже известно людям, скрывавшимся в чаще леса. Когда солдаты вышли на небольшую прогалину, на пение соловья из кустарника эхом отозвался свист. Мальчик, который шёл по краю тропинки, юркнул в чашу леса. Ружейный залп, нарушивший тишину, свалил с ног лейтенанта, тот даже не успел поднять оружия. Один за другим, сражённые меткой пулей, падали солдаты. На следующий день в самом конце деревни, у перекрёстка, на своём обычном месте, подле канавы, снова сидел тринадцатилетний мальчик и что-то стругал из дерева. Временами он зорко оглядывал ведущую в деревню дорогу. Казалось, будто он опять чего-то ожидает. И снова в воздухе переливалась чудесная мелодия, которую не слишком привычное ухо не отличило бы от соловьиной трели.(П. Цвирка)

Выходное платье

Было это ещё до начала войны с фашистами.

Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шёлковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и наденет она своё выходное платье.

Фашистские самолёты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землёй организовали севастопольцы и два военных завода. На одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал миномёты, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских лётчиков. Всё нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного. Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шёлка.

Стали разыскивать шёлк для мешочков. Обратились на различные склады. На один:

- Нет натурального шёлка.

На второй:

- Нет натурального шёлка.

Ходили на третий, четвёртый, пятый.

Нет нигде натурального шёлка.

И вдруг... Является Катя. Спрашивают у Кати:

- Ну что - нашла?

- Нашла, - отвечает Катя.

Верно, в руках у девушки свёрток.

Развернули Катин свёрток. Смотрят: в свёртке - платье. То самое. Выходное.

Из натурального шёлка.

- Вот так Катя!

- Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к лётчикам на аэродром. Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь перебоев в работе завода. За бомбой готова бомба. Поднимаются лётчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель. (С. Алексеев)

Зоя

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд. Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» — так называли в отряде Зою.

В селе Петрищево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево, перерезала телефонные провода и подожгла дома, в которых остановились гитлеровцы. Через два дня Зоя снова пришла в Петрищево. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии подполковник Рюдерер:

- Кто вы?
- Не скажу.
- Это вы подожгли дома?
- Да, я.
- Ваши цели?
- Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал её на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», — отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, её несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босую ходить по снегу.

И снова:

- Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили её в центре деревни на деревенской площади. К месту казни согнали жителей.

- Товарищи! Не бойтесь, — прозвучал голос Зои. - Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

- Мне не страшно умирать, товарищи, - говорила Зоя. Это счастье - умереть за свой народ. И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям:

- Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Всё равно победа будет за нами!...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы... (С. Алексеев)

Ни шагу назад!

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. 16 солдат гвардейцев вступили в неравный бой.

– Ни шагу назад! – поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой – жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

– Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

– Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гущин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки все ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнем затянул гранаты. На руке почему то взвесил. Посмотрел еще раз на Гущина, Бурдова – на соседей своих по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

– За Родину! – крикнул герой. Бросился вперед навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опаленные боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гущин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гущин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

– Нас не возьмешь! – прокричали солдаты.

Рванулись вперед герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:

– Свобода дороже жизни!

Вот они четверо – на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

– Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Еще взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время как ветер. Годы текут как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гущин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов. (С. Алексеев)

Сестра

Пошёл в бой солдат Иван Котлов. Ударил Ивана фашистская пуля. Руку пробила и в грудь попала. Упал Иван. А товарищи вперёд ушли, врага гнать. Лежит Иван один в снегу. Рука болит, дышать трудно — пуля в груди мешает. Лежит и думает: «Конец мой приходит. Умру сейчас». И глаза закрыл. И думать перестал.

Вдруг слышит: кто-то тихонько его трогает. Стал Иван глаза открывать, да не так-то легко это. Смёрзлись ресницы. Вот один глаз открыл, потом другой. Видит: подползла к нему девушка, на сумке красный крест, - медицинская сестра из отряда. Вынимает из сумки бинт и начинает перевязывать рану - осторожно, чтобы не больно.

«Кругом бой, а она приползла», - подумал Иван и спросил:

- Умру?

- Будете жить, товарищ. Я вас сейчас перевяжу.

- Спасибо, сестрица! - говорит Иван Котлов.

- Дозвольте узнать, как вас зовут.

- Надя зовут, - отвечает, - Надя Балашова.

Перевязала она раненого, взяла его винтовку, обхватила Ивана Котлова рукой и потащила в безопасное место. Фашисты по ней стреляют, а она знай себе ползёт и раненого тащит. Маленькая, а сильная. И ничего не боится. Так и спасла она Ивана Котлова. Славная подружка, храбрая девушка Надя Балашова. (Л. Кассиль)

Мешок овсянки

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На просёлках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо. В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью.

В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашёл мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зелёного вещевого мешка.

Ну и находка! обрадовались солдаты. Будет пир горой. Кашу сварим! Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки.

Но когда удалось раздуть огонь, и он уже бился в дно ведра, в траншею прыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Шинель выношенная, короткая. На ногах обмотки и растоптанные башмаки.

-Эй, братва! - крикнул он сиплым, простуженным голосом.- Давай мешок сюда! Не клали, не берите.

Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу. Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака удавалась и надо было гнать фашистов), или погибал солдат. Но раз хозяин пришёл, разговор короткий отдать.

Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил:

-Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паёк дали. Пусть лопает.

Если не разорвётся, может, потолстеет.

Наступили холода. Выпал снег. Земля смёрзлась, стала твёрдой. Подвоз наладился. Повар варил в кухне на колёсах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли. Готовилось большое наступление.

По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили к передовой пушки, двигались танки.

Готовился к наступлению и Лукашук с товарищами. Было ещё темно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело в небе загудели самолёты. Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулемётов по вражеским траншеям.

Самолёты улетели. Тогда загромыхали танки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть ещё, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал. Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя. Потом свет перестал видеть ему казалось, что наступила тёмная тихая ночь.

Когда Лукашук пришёл в сознание, он увидел санитаря. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в лодочку, такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась, он хотел вспомнить, где видел этого санитаря, рыжего и худого, в выношенной шинели.

-Держись, браток! Не робей жить будешь!.. слышал он слова санитаря.

Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но где и когда слышал его раньше, вспомнить уже не мог.

В сознание Лукашук снова пришёл, когда его перекладывали из лодочки на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами: тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки.

Лёжа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам ремёнными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти намёрзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полузакрыты.

К собакам подошёл санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От неё валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить. Собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук вспомнил, где видел его. Это же он тогда спрыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки.

Лукашук одними губами улыбнулся санитарю и, кашляя и задыхаясь, проговорил:

-А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки, а всё худой.

Санитар тоже улыбнулся и, погладив ближнюю собаку, ответил:

-Овсянку-то они съели. Зато довели тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как

увидел в снегу, так и узнал.
И добавил убеждённо: Жить будешь! Не робей! (А. Митяев)

Приказ

Сейчас Света уже большая и ходит в школу. Но во время войны она была маленькой и ходила в детский сад. А по воскресеньям оставалась дома с мамой и всегда ей помогала. Надо принести что-нибудь - принесёт, надо убрать - уберёт, надо конфету съесть - съест!

Ей папа писал с фронта: «Светик, исполняй все мамины приказы, как на войне всё равно. У нас на войне командир если дал приказ, значит, умри, но сделай. А мама для тебя вроде как командир».

Папа уехал давно, и Света его плохо помнила. Но эти слова запомнила хорошо.

Но вот один раз пришло воскресенье, когда ей с мамой пришлось расстаться.

Утром её разбудили очень рано. Она с трудом открыла глаза и увидела, что возле кровати стоит смешной дядя с мешком и лопатой в руках.

Дядя сказал:

- Вставай, Светик, я ухожу!

И тут только сонная Света догадалась, что никакой это не дядя, а это вовсе её родная мама, которая надела старые папины штаны, и куртку, и даже сапоги...

- Светик, вставай, я ухожу в поле копать картошку, а ты останешься одна дома.

Другая девочка пяти лет, наверно, стала бы тут капризничать, хныкать... Но Света не такая!

- Ой, мамочка, - сказала она, зевая, - как ещё спать хочется!

- А ты только закрой за мной дверь, - сказала мама, - и спи! Только помни, Света, без меня никого не впускать!

- Никого не впускать! - повторила Света.

- Вот. А то будет как в сказке: «Козлятушки, ребятушки, отворитесь, отогривитесь!» Серый волк заговорил маминым голосом, они его впустили, и он их съел!

- А я его не впущу! - сказала Света.

- Вот и молодец! Поешь, поиграй, а к обеду я вернусь.

Мама постояла за дверью, подождала, пока Света влезала на стул и накидывала крючок, потом подёрнула дверь, увидела, что крепко, и ушла.

А Света осталась одна. Спать больше ей не хотелось, и она стала одеваться, напевая:

Ваша мать пришла,

Молочка принесла...

Вдруг в дверь постучали. Света на одной обутой ножке доскакала до двери:

- Кто там?

И тут, совсем как в сказке, из-за двери ответили:

- Это я пришла, молочка принесла.

Но Света знала, что никого впускать нельзя, и сказала:

- Не надо молока!

И молочница ушла. А Света натянула второй ботинок, платье, умылась и села к столу рисовать козу с козлятами.

Но тут снова постучали.

- Кто там?

- Почта.

Но Света знала, что никого впускать нельзя, и догадалась!

- А вы просуньте под дверь.

И вот под дверь поползло письмо. Света поняла, что от папы, потому что без марки. Она долго смотрела на него, пока незаметно не заснула тут же за столом.

Спала, спала, и вдруг её разбудил громкий стук.

«Ой, это, наверно, уже мама!» — обрадовалась Света и подбежала к двери:

- Мама, ты?

- Здесь живёт Антонина Петровна Кудрявцева? - спросил какой-то дядя за дверью.

«Антонина Петровна? Это, кажется, мама», - вспомнила Света и сказала:

- Никого нету дома!

- А это кто? - спросил дядя за дверью.

- Это я.

— Кто? Света? — крикнул дядя за дверью.

- А... а вы меня разве знаете? - спросила Света.

- Света, открой быстренько! - закричал дядя за дверью. - Ведь это я приехал, твой папа!

Света растерялась: а может быть, это серый волк прикинулся папой? Она сказала:

- Мой папа на войне!

- Света, доченька, это я приехал... А где же мама?

- Она ушла за картошкой и велела никого не впускать.

- А ты меня помнишь? - спросил дядя за дверью.

- А я не помню, помню или нет, - ответила Света.

- Тогда вот что, - сказал дядя за дверью, - ты подойди к окошку и хорошенько посмотри на меня. А я погляжу на тебя.

- Это можно! - сказала Света.

Она подошла к окошку и увидела военного командира. Ну конечно же, это, скорей всего, её папа! На нём погоны, ремень, наган, спереди медаль на ленточке...

Он протягивал Свете большие руки и что-то ей кричал. Света крикнула ему:

- Сейчас, сейчас!

Она побежала к двери и влезла на стул, чтобы откинуть крючок, но потом решила ещё раз как следует поглядеть на папу и снова вернулась к окошку.

И тут она увидела, что во двор через калитку входит мама - с мешком и лопатой в руках.

Света закричала, показывая пальцем:

- Мама! Мама! Мама идёт!

Военный обернулся. Мама посмотрела на него, остановилась - и вдруг как кинет наземь и мешок и лопату, как подбежит к нему! Он подбежал к ней, они обнялись посреди двора и давай целоваться и как будто совсем забыли про Свету.

Ей даже немножко обидно стало; она тоже выскочила во двор и тоже стала обнимать папины ноги.

А потом все вошли в комнату. Мама всё твердила:

- Света, доченька! Папка вернулся!..

- Ну да, папка! — засмеялся папа. - А этого папку даже в дом не хотели впустить.

- Но раз мама дала такой приказ! - сказала Света.

Тогда папа взял её на руки и сказал:

- Правильно, дочка, приказ есть приказ! И за это я награждаю тебя медалью.

И он даже снял с себя медаль и повесил на Свету. Правда, он сейчас же отнял её, но всё равно Света чуть не целых пять минут носила на груди настоящую серебряную медаль с надписью: «За боевые заслуги». (Я. Тайц)

Памятник солдату

Долго шла война. Начали наши войска наступать по вражеской земле. Фашистам уже дальше и бежать некуда. Засели они в главном немецком городе Берлине.

Ударили наши войска на Берлин. Начался последний бой войны. Как ни отбивались фашисты - не устояли. Стали брать солдаты Советской Армии в Берлине улицу за улицей, дом за домом. А фашисты всё не сдаются.

И вдруг увидел один солдат наш, добрая душа, во время боя на улице маленькую немецкую девочку. Видно, отстала от своих. А те с перепугу о ней забыли... Осталась бедняга одна-одинёшенька посреди улицы. А деваться ей некуда. Кругом бой идёт. Изю всех окон огонь полыхает, бомбы рвутся, дома рушатся, со всех сторон пули свистят. Вот-вот камнем задавит, осколком пришибёт... Видит наш солдат - пропадает девчонка... «Ах ты, горяха, куда же тебя это занесло, неладную!..»

Бросился солдат через улицу под самые пули, подхватил на руки немецкую девочку, прикрыл её своим плечом от огня и вынес из боя.

А скоро и бойцы наши уже подняли красный флаг над самым главным домом немецкой столицы.

Сдались фашисты. И война кончилась. Мы победили. Начался мир.

И построили теперь в городе Берлине огромный памятник. Высоко над домами, на зелёном холме стоит богатырь из камня - солдат Советской Армии. В одной руке у него тяжёлый меч, которым он сразил врагов-фашистов, а в другой - маленькая девочка. Прижалась она к широкому плечу советского солдата. Спас её солдат от гибели, уберёг от фашистов всех на

свете детей и грозно смотрит сегодня с высоты, не собираются ли злые враги снова затеять войну и нарушить мир. (Л. Кассиль)

Что могут солдаты

Однажды играли ребята в войну. Играли, играли, а потом надоело. И патроны кончились, и обедать позвали. Заключили они мир и побежали домой.

Вечером Миша сказал папе:

- Папа, возьми меня к солдатам!

Утром они ехали в трамвае, потом шли пешком.

- А у тебя солдат много? - спрашивал Миша.

- А что они умеют делать?

- Всё!

И Миша впервые усомнился в том, что солдаты всё могут. В спортзале стояли брусья, конь, турник и стол. Самый обыкновенный стол.

В углу смуглый солдат в синих трусах и белой майке поднимал штангу. На штанге было много блестящих никелированных «блинов», и солдат поднимал их все сразу.

- А стол вы поднимете? - подумав, спросил Миша.

- За одну ножку? - понимающе спросил Лёша.

- Да, - радостно сказал Миша, за одну.

Солдат подошёл, и поднял стол за одну ножку.

На полосу препятствий двое солдат прыгнули в окопчик, офицер сказал: «Внимание... марш!» — и солдаты снова выскочили из окопчика и побежали, пригибаясь к земле. Солдаты бежали к проволоке. Это было странно, потому что проволока была натянута над самой землёй, и в ней запутался бы даже кролик, вздумай он туда залезть.

— А если проволока в бою попадётся? Солдаты не проползут, запутаются...

Уж лучше пусть сейчас запутаются. И точно. Один солдат запутался.

- Не дёргайся! — кричали солдату, который запутался.

- Не дёргайся! А то ещё больше запутаешься! Запутавшегося солдата вынимали из проволоки.

А второй солдат уже бежал по бревну, словно это было не бревно, а асфальтовая дорожка, потом перепрыгнул низенький заборчик, потом одолел высокий забор, потом прыгнул в маленький окопчик и швырнул две гранаты в какую-то щель.

Потом солдат подбежал уже к деревянному дому. Конечно, не к настоящему дому: вместо дома была стена и окошки — на первом и втором этажах.

Солдат вскарабкался по голой стене и прыгнул со второго этажа. Бежит дальше.

Теперь он перепрыгивает канаву. Там вода. Солдат не перепрыгнул. Он устал, вот он и не перепрыгнул. Если б не устал, перепрыгнул бы. И придётся ему начинать сначала. Солдат вылез из канавы, поднял свои ненастоящие

гранаты и пошёл начинать сначала. Даже каска и автомат были у него мокрые, не говоря уже о сапогах, гимнастёрке и сумке с противогазом. Солдат снял каску и вытер лоб. Солдатам огорчаться не положено. Они храбрые парни, и полоса препятствий для них, в общем-то, пустяк. А случайности бывают везде. Солдаты умеют всё. Реки переплывать. Заборы красить. Песни петь. Сапоги чистить. Дома строить. Из пушек стрелять. Всё могут! (Я.Длуголенский)

Стихи о Великой отечественной войне

Быль для детей

Эту быль пишу я детям...

Летней ночью, на рассвете,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских
Это значит - против нас.
Он хотел людей свободных
Превратить в рабов голодных,
Навсегда лишить всего.
А упорных и восставших,
На колени не упавших,
Истребить до одного!

Он велел, чтоб разгромили,
Растоптали и сожгли
Всё, что дружно мы хранили,
Пуще глаза берегли,
Чтобы мы нужду терпели,
Наших песен петь не смели
Возле дома своего,
Чтобы было всё для немцев,
Для фашистов-иноземцев,
А для русских и для прочих,
Для крестьян и для рабочих
Ничего!

И от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки.
Встали, с русскими едины,
Белорусы, латыши,
Люди вольной Украины,
И армяне, и грузины,
Молдаване, чуваша
Все советские народы
Против общего врага,
Все, кому мила свобода
И Россия дорога!

И, когда Россия встала
В этот трудный грозный час,
"Всё - на фронт!" - Москва сказала.
"Всё дадим!" - сказал Кузбасс.
"Никогда, - сказали горы,
Не бывал Урал в долгу!"
"Хватит нефти для моторов,
Помогу!" - сказал Баку.
"Я богатствами владею,
Их не счесть, хоть век считай!
Ничего не пожалею!"
Так откликнулся Алтай.

"Мы оставшихся без крова
В дом к себе принять готовы,
Будет кров сиротам дан!"
Обездоленных встречая,
Казахстану отвечая,
Поклялся Узбекистан.
"Будет каждый верный воин
И накормлен и напоен,
Всей страной обут, одет".
"Всё - на фронт!" - Москва
сказала.
"Всё! - страна ей отвечала.
Всё - для будущих побед!"

Дни бежали и недели,
Шёл войне не первый год.
Показал себя на деле
Богатырский наш народ.
Не расскажешь даже в сказке,
Ни словами, ни пером,
Как с врагов летели каски
Под Москвой и под Орлом.

Как, на запад наступая,
Бились красные бойцы
Наша армия родная,
Наши братья и отцы.
Как сражались партизаны.
Ими Родина горда!
Как залечивают раны
Боевые города.

Не опишешь в этой были
Всех боёв, какие были.
Немцев били там и тут,
Как побили - так салют!
Из Москвы салюты эти
Были слышны всем на свете,
Слышал их и друг и враг.
Раз салют, то значит это
Над какой-то крышей где-то
Снова взвился красный флаг.

Слава нашим генералам,
Слава нашим адмиралам
И солдатам рядовым
Пешим, плавающим, конным,
В жарких битвах закалённым!
Слава павшим и живым,
От души спасибо им!
Не забудем тех героев,
Что лежат в земле сырой,
Жизнь отдав на поле боя
За народ - за нас с тобой.

Не расскажешь в этой были
Всех чудес о нашем тыле,
Видно, времечко придёт,
И о тружениках честных,
Знаменитых, неизвестных
Сложит песни наш народ.
Без ружья и без гранаты
И от фронта в стороне
Эти люди, как солдаты,
Тоже были на войне.
Никогда мы не забудем
Их геройские дела.
Честь и слава этим людям
И великая хвала!

Спать легли однажды дети
Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете
В окнах свет и нет войны!
Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налётов не бояться,

И ночных тревог не ждать.

Отменили затемнение,
И теперь на много лет
Людам только для лечения
Будет нужен синий свет.
Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!

На груди у всех медали,
А у многих - ордена.
Где они не побывали
И в какие только дали
Не бросала их война!
Как на улицах Берлина
В час боёв нашли рейхстаг,
Как над ним два верных сына
Русский сын и сын грузина
Водрузили красный флаг.

Не опишешь в этой были
(Не поможет даже стих!),
Как горды солдаты были,
Что народ встречает их,
Их - защитников своих!

И смешались на платформах
С шумной радостной толпой:
Сыновья в военных формах,
И мужья в военных формах,
И отцы в военных формах,
Что с войны пришли домой.
Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат,
Мой защитник, мой спаситель
Красной Армии солдат!

Всю войну в любом селенье,
В каждом доме и в избе
Люди думали с волнением,
Вспоминали с восхищением
И с любовью о тебе.
Наконец-то в час желанный

Нашей сбывшейся мечты
В час победы долгожданной
В отчий дом вернулся ты!

Но ещё таких не мало
Офицеров и солдат,
Смерть которых миновала,
Но задел в бою снаряд.
Если встретишь ты такого,
Молодого, но седого,
Ветерана боевого
(Знак раненья на груди),
Окажи ему услугу,
Помоги ему, как другу,
Равнодушно не пройди!.. (С. Михалков)

Рассказ ветерана

Я, ребята, на войне
В бой ходил, горел в огне.
Мёрз в окопах под Москвой,
Но, как видите, - живой.
Не имел, ребята, права
Я замёрзнуть на снегу,
Утонуть на переправах,
Дом родной отдать врагу.
Должен был прийти я к маме,
Хлеб растить, косить траву.
В День Победы вместе с вами
Видеть неба синеву.
Помнить всех, кто в горький час
Сам погиб, а землю спас...
Я веду сегодня речь
Вот о чём, ребята:
Надо Родину беречь
По-солдатски свято! (В. Степанов)

Кто был на войне

Дочь обратилась однажды ко мне:
- Папа, скажи мне, кто был на войне?
- Дедушка Лёня — военный пилот -
В небе водил боевой самолёт.
Дедушка Женя десантником был.
Он вспоминать о войне не любил
И отвечал на вопросы мои:

- Очень тяжёлые были бои.
Бабушка Соня трудилась врачом,
Жизни спасала бойцам под огнём.
Прадед Алёша холодной зимой
Бился с врагами под самой Москвой.
Прадед Аркадий погиб на войне.
Родине все послужили вполне.
Много с войны не вернулось людей.
Легче ответить, кто не был на ней. (А. Смирнов)

Моя сестра

Была обыкновенная
Она ещё вчера.
Теперь сестра военная,
Военная сестра.

Сестре на складе выдали
Большие сапоги.
В один сапог — мы видели —
Влезают две ноги.

Нога мала, — смущённые
На складе говорят.
И выдали суконную
Шинель до самых пят.

Ей все шинели мерили,
Но меньше так и нет.
И там сестре не верили,
Что ей семнадцать лет.

У ней косичка белая
Вчера ещё была.
Моя сестрёнка — смелая,
Хоть ростом так мала.

Когда летал над крышами,
Над нашим домом враг —
Она всегда с мальчишками
Влезала на чердак.

Шумел пожар над городом,
Дрожал огромный дом.
Она стояла гордая

С пожарным рукавом.

В дымящие развалины
Влетала, как стрела,
Откапывала раненых,
В укрытие несла.

Теперь сестра учёная,
Военная сестра,
На ней шинель с погонами,
Сестре на фронт пора.

Она в подарок платице
Своё мне отдала.
У мамы слёзы катятся:
— Уж больно ты мала!

А сердце-то, как правило,
По маленьким болит. —
Сестра ремни поправила
И тихо говорит:

— Что голову повесила?
Я, мама, на посту —
И добавляет весело: —
На фронте подрасту! З. Александрова

Посвящается Артемьевой Марии Андреевне и Клементьеву Александру Павловичу, моим бабушке и дедушке

Оборванного мишку утешала
Девчушка в изувеченной избе:
"Кусочек хлеба- это очень мало,
Но крошечка достанется тебе..."

Снаряды пролетали и взрывались,
Смешалась с кровью черная земля.
"Была семья, был дом... Теперь остались
Совсем одни на свете - ты и я..."

... А за деревней рощица дымилась,
Поражена чудовищным огнём,

И Смерть вокруг летала злою птицей,
Бедой неожиданной приходила в дом...

"Ты слышишь, Миш, я сильная, не плачу,
И мне дадут на фронте автомат.
Я отомщу за то, что слезы прячу,
За то, что наши сосенки горят..."

Но в тишине свистели пули звонко,
Зловещий отблеск полыхнул в окне...
И выбежала из дому девчонка:
"Ой, Мишка, Мишка, как же страшно мне!..."

... Молчание. Ни голоса не слышно.
Победу нынче празднует страна...
А сколько их, девчонок и мальчишек,
Осиротила подлая война?!.. (Лора Тасси)

Шинель

Почему ты шинель бережешь? -
Я у папы спросила. -
Почему не порвешь, не сожжешь? -
Я у папы спросила.

Ведь она и грязна, и стара,
Приглядись-ка получше,
На спине вон какая дыра,
Приглядись-ка получше!

Потому я ее берегу, -
Отвечает мне папа, -
Потому не порву, не сожгу, -
Отвечает мне папа. -

Потому мне она дорога,
Что вот в этой шинели
Мы ходили, дружок, на врага
И его одолели. (Е. Благинина)

Приходят к дедушке друзья

Приходят к дедушке друзья,
Приходят в День Победы.
Люблю подолгу слушать я
Их песни и беседы.

Я не прошу их повторять
Рассказов сокровенных:
Ведь повторять - опять терять
Товарищей военных,
Которых ищут до сих пор
Награды боевые,
Один - сержант, другой - майор.
А больше рядовые.

Я не прошу их каждый год
Рассказывать сначала
О том, как армия вперёд
С потерями шагала.
О том, какая там пальба,
Как в сердце метят пули...
«Война, - вздохнут они, - война.
А помнишь, как в июле?»

Я просто рядышком сижу,
Но кажется порою,
Что это я в прицел гляжу,
Что я готовлюсь к бою.
Что те, кто письма пишут мне,
Уже не ждут ответа,
Что даже лето на войне -
Совсем другое лето.

Приходят к дедушке друзья
Отпраздновать Победу.
Всё меньше их, но верю я:
Они придут, приедут... (В. Степанов)

* * *

У нас военные в семье:
Мой прадед, дед и папа.
Деды бывали на войне,
Пойду и я в солдаты.

Но не за тем, чтоб воевать,
Смертей и войн довольно!
Я буду мир наш охранять –
Живи страна спокойно!

Пусть на Земле цветут сады,
Здоровы будут дети,
Не нужно нам войны-беда,
Пусть солнце ярко светит! (Е. Шаламонова)

Я в солдатики играю

У меня есть пистолет.
Есть и сабля.
Есть и танки.
Я большой и мне 5 лет!
Я в солдатики играю.
Это-детская игра.
Но я это знаю твёрдо-
Создан Мир наш для Добра!
Чтоб войну не знали дети.
Чтоб был мирным небосвод.
И остался чтоб игрушкой
Навсегда пехотный взвод!!! (Т. Шапиро)

День Победы

Что такое День Победы?
Это утренний парад:
Едут танки и ракеты,
Марширует строй солдат.

Что такое День Победы?
Это праздничный салют:
Фейерверк взлетает в небо,
Рассыпаясь там и тут.

Что такое День Победы?
Это песни за столом,
Это речи и беседы,
Это дедушкин альбом.

Это фрукты и конфеты,
Это запахи весны...
Что такое День Победы –
Это значит – нет войны. (А. Усачёв)

Пусть будет мир!

Как надоели войны на свете.
Гибнут солдаты и малые дети,

Стонет земля, когда рвутся снаряды,
Матери плачут и плачут комбаты.

Хочется крикнуть: " - Люди, стойте !
Войну прекратите !!! Живите достойно !
Гибнет природа и гибнет планета,
Ну, неужели вам нравится это ? "

Война - это боль, это смерть, это слёзы.
На братских могилах - тюльпаны и розы.
Над миром какое - то время лихое....
Где правит война - никому нет покоя.

Я вас призываю, нам всем это нужно,
Пусть на земле будет мир, будет дружба,
Пусть солнце лучистое всем нам сияет,
А войн - никогда и нигде не бывает! (О. Маслова)

Памятник

Это было в мае, на рассвете.
Нарастал у стен рейхстага бой.
Девочку немецкую заметил
Наш солдат на пыльной мостовой.
У столба, дрожа, она стояла,
В голубых глазах застыл испуг.
И куски свистящего металла
Смерть и муки сеяли вокруг.

Тут он вспомнил, как прощаясь летом,
Он свою дочурку целовал.
Может быть, отец девчонки этой
Дочь его родную расстрелял.

Но тогда, в Берлине, под обстрелом
Полз боец, и телом заслоняя,
Девочку в коротком платье белом
Осторожно вынес из огня.

И, погладив ласковой ладонью,
Он ее на землю опустил.
Говорят, что утром маршал Конев
Сталину об этом доложил.

Скольким детям возвратили детство,
Подарили радость и весну
Рядовые Армии Советской
Люди, победившие войну!

... И в Берлине, в праздничную дату,
Был воздвигнут, чтоб стоять века,
Памятник Советскому солдату,
С девочкой спасенной на руках.

Он стоит, как символ нашей славы,
Как маяк, светящийся во мгле.
Это он, солдат моей державы,
Охраняет мир на всей земле. (Г. Рублёв)

У самой границы.

У самой границы в секрете
Я зоркую службу несусь.
За каждый пригорок в ответе,
За каждую ёлку в лесу.
Укрытый густыми ветвями,
И слышу я, и смотрю.
И сердце с родными краями
В такие часы говорю.
И всё мне становится ближе,
Как будто сквозь сумрак ночной,
Я всю свою Родину вижу
И вся она рядом со мной.
Проходят, встают предо мною
Деревни, поля и леса.
И месяц над самой трубою,
И липа напротив крыльца.
И чёрное море, и горы,
Где я никогда не бывал.
И стены кремля, у которых
Я клятву народу давал.
А только лишь утро затронет
Высокие сосны вокруг,
Я чую в далёком районе
Зарю объявляет пастух.
Мне чудится утренний гомон
И отблеск отточенных кос,
Как будто тропую знакомой
И сам я спешу на покос.
Я вижу, как солнце выходит,

Как трактор идет большаком
И как мальчуган на подводе
Бидоны везет с молоком.
А где-то за милую душу
Горланит петух молодой
И девушка – может, Катюша –
Из хаты бежит за водой;
И ласточки крыльями машут,
И топится чья-нибудь печь.
И всё это Родина наша,
А Родину надо беречь. (М.Исаковский)

22 июня 1941 года на нашу страну напали полчища врагов — фашистов. Фашисты думали, что они самые главные в мире, а все остальные люди должны им подчиняться. Началась страшная война, которая продолжалась четыре года.

Не только российским солдатам и офицерам, но и всем жителям нашей Родины, взрослым и детям, было очень трудно во время войны. Армия с помощью народа победила врагов и прогнала их из России, а потом и из других стран.

Война, которую назвали Великой Отечественной, закончилась в мае 1945 года. А в июне того же года на Красной площади в Москве состоялся Парад Победы. Воины-победители торжественно прошли по площади и бросили на землю знамёна побеждённых фашистов. Это был Великий день.

9 мая люди торжественно отмечают эту дату. В нашей стране 9 мая является государственным праздником, который посвящён Дню Победы. В этот день люди поздравляют ветеранов войны и празднуют этот день.

В День Победы люди возлагают к военным памятникам венки и цветы. А вечером, когда стемнеет, начинается Салют Победы. Взлетают в небо разноцветные огни, рассыпаются на множество сверкающих искр. Люди смотрят на эту красоту и радуются. Пусть никогда больше не будет войны! Пусть всегда будет мир!